

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.05.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.
DOI: 10.24412/3034-4042-2026-2-17-19

РЕПКИН Максим Сергеевич,
магистрант 2 курса гр. АМЮ21
Донского государственного технического университета,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
РЫБАК Светлана Викторовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Гражданское право»
Донского государственного технического университета,
e-mail: mail@law-books.ru

КОНФИДЕНЦИАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу правового регулирования конфиденциальной информации в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия. Рассматриваются легальные определения, система видов конфиденциальных сведений, а также подходы к установлению режима коммерческой и служебной тайны. Отдельное внимание уделено новеллам германского законодательства — Закону о защите коммерческой тайны (GeschGehG) 2019 года и процессуальной новелле статьи 273a ZPO, вступившей в силу в апреле 2025 года. Сделан вывод о возможности использования отдельных германских механизмов в российской правовой системе.

Ключевые слова: конфиденциальная информация, коммерческая тайна, Германия, GeschGehG, разумные меры защиты, негативная информация, сравнительное правоведение.

REPkin Maxim Sergeevich,
second-year master's student, group AMYu21,
Don State Technical University

Academic Supervisor:
RYBAK Svetlana Viktorovna,
Candidate of Law,
Associate Professor, Department of Civil Law,
Don State Technical University

CONFIDENTIAL INFORMATION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND GERMANY: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Annotation. The article presents a comparative analysis of the legal regulation of confidential information in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany. It examines legal definitions, the system of types of confidential information, and approaches to establishing regimes for commercial and official secrets. Special attention is paid to recent German legislative innovations — the Trade Secrets Protection Act (GeschGehG) of 2019 and the procedural amendment articles 273a ZPO that came into force in April 2025. The author concludes that certain German mechanisms could be usefully adapted for the Russian legal system.

Key words: confidential information, trade secret, Germany, GeschGehG, reasonable protective measures, negative information, comparative law.

В российском правовом порядке понятие конфиденциальной информации, пожалуй, одно из самых сложных и одновременно недостаточно определённых. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» раскрывает лишь «конфиденциальность» как обязательное требование для лица, получившего доступ к информации, не передавать её третьим лицам без согласия обладателя. Однако перечня того, какие именно сведения следует считать конфиденциальными, закон не даёт. Этот пробел отчасти восполняется Указом Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера», который включает шесть категорий: персональные данные, тайну следствия, служебную тайну, профессиональную тайну, коммерческую тайну и сведения о существовании изобретений до их официальной публикации [1].

В Германии подход к конфиденциальной информации (*vertrauliche Informationen*) также носит многоуровневый характер, но отличается большей системностью. Центральное место занимает Закон о защите коммерческой тайны (*Gesetz zum Schutz von Geschäftsgeheimnissen - GeschGehG*), принятый 18 апреля 2019 года во исполнение Директивы ЕС 2016/943 [2]. В соответствии с положениями статьи 2 Закона о защите коммерческой тайны (*GeschGehG*), чтобы информация считалась коммерческой тайной, она должна соответствовать трем критериям: во-первых, информация не должна быть общеизвестной или легкодоступной для определенного круга лиц; во-вторых, ее статус конфиденциальности должен придавать ей экономическую ценность; и в-третьих, законный владелец должен предпринять разумные меры для обеспечения ее секретности [3]. Следует отметить, что законодательство Германии к видам охраняемой информации относит «негативную информацию» (*negative Information*). К такой информации относятся сведения о производственных просчетах, неудачных направлениях исследований и разработок, а также о потенциальной угрозе банкротства. На мой взгляд, данная законодательная инициатива представляет собой значимое решение, которое заслуживает пристального внимания. Она подчеркивает коммерческую ценность даже «отрицательных» знаний, то есть информация о том, какие действия следует избегать.

Германская система защиты конфиденциальной информации включает также специальные правила для служебной и государственной тайны. Уголовный кодекс ФРГ (*StGB*) в статьях 93–97 устанавливает ответственность за государственную измену и разглашение сведений, которые составляют государственную тайну. Под государственная тайна понимаются факты, объекты или информация, доступ к которым имеет ограниченный круг лиц и которые должны быть скрыты

от иностранных государств для предотвращения возникновения серьезной угрозы национальной безопасности [4]. Процедура допуска к таким сведениям включает так называемую «проверку на благонадежность», распространяющуюся не только на самого кандидата, но и на его супруга и совершеннолетних совместно проживающих лиц.

Сравнение российской и германской моделей обнаруживает как общие черты, так и существенные различия. Общим является признание трёх базовых критериев коммерческой тайны, закреплённых в статье 39 Соглашения TRIPS: секретность, коммерческая ценность и разумные меры защиты. Однако в Германии эти критерии детализированы на уровне закона и подкреплены процессуальными механизмами. Важнейшей новеллой 2025 года стало введение статьи 273a Гражданского процессуального кодекса Германии (ZPO), распространившего действие статей 16–20 *GeschGehG* на все виды гражданского судопроизводства [5]. Суды теперь могут по заявлению стороны классифицировать информацию как конфиденциальную, а участники процесса обязаны обращаться с ней соответствующим образом под угрозой штрафа до 100 000 евро или тюремного заключения до шести месяцев. Примечательно, что для обоснования защитного распоряжения достаточно лишь потенциальной возможности того, что раскрываемая информация может быть коммерческой тайной.

Российское законодательство, к сожалению, пока не знает столь детализированных процессуальных механизмов. Как справедливо отмечает Е.В. Леошкевич, отсутствие легального определения «разглашения» в КоАП РФ и Федеральном законе № 149-ФЗ приводит к тому, что суды по-разному оценивают однородные действия, что снижает предсказуемость правоприменения [6]. Показательным является Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 5 августа 2025 г. № 8Г-10400/2025, в котором суд признал разглашением сам факт пересылки работником конфиденциальных документов на личный телеграм-аккаунт, даже без доказательств ознакомления третьих лиц. Однако такой подход, хотя и прогрессивный, является исключением, а не правилом.

Ещё одно различие касается подхода к «негативной информации». Германский *GeschGehG* прямо её охраняет, тогда как российское законодательство не содержит аналогичной нормы. Как показывает практика, информация о неудачных исследованиях, отклонённых проектах или о производственных неудачах для конкурентов представляет собой такую же ценность, как и могут успешные ноу-хау. На мой взгляд, для улучшения Федерального закона «О коммерческой тайне» необходимо позаимствовать подход законодательства Германии. В частности, предлагаю добавить в статью 3 положение о том, что в перечень коммерческой тайны входит информация, которая

имеет отрицательную коммерческую ценность, но при этом она не является общедоступной.

Стоит отметить немецкий опыт, где процессуальные гарантии защиты конфиденциальной информации охватывают все гражданские дела. В российской правовой системе дела о защите коммерческой тайны рассматриваются по общим процессуальным правилам ГПК РФ и АПК РФ, которые, к сожалению, не обладают специальными инструментами для сохранения конфиденциальности на стадии судебного разбирательства. Подобное положение создаёт серьёзную проблему: обладатель коммерческой тайны, обращаясь в суд, вынужден раскрывать охраняемую информацию, что способно нанести больший вред, чем само

нарушение. Внедрение института «confidentiality clubs» или процедуры, которая аналогична германской, позволило бы значительно усилить эффективность судебной защиты коммерческой тайны.

Подводя итог, можно утверждать, что германская модель правового регулирования конфиденциальной информации, особенно в части процессуальных механизмов защиты коммерческой тайны и включения негативной информации, представляет значительный интерес для российской правовой системы. Её адаптация с учётом отечественной специфики могла бы стать одним из направлений совершенствования законодательства в сфере информации ограниченного доступа.

Список литературы:

- [1] Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» (ред. от 23.09.2005) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 10. — Ст. 1127.
- [2] Gesetz zum Schutz von Geschäftsgeheimnissen (GeschGehG) vom 18. April 2019 // BGBl. I S. 466.
- [3] Directive (EU) 2016/943 of the European Parliament and of the Council of 8 June 2016 on the protection of undisclosed know-how and business information (trade secrets) // Official Journal of the European Union. — 2016. — L 157. — P. 1–29.
- [4] Strafgesetzbuch (StGB) — § 93 Geheimnisverrat. // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_93.html (дата обращения: 03.04.2026).
- [5] BB-Rechtsprechungsreport zum Geschäftsgeheimnisrecht 2025 // Haufe. — 8 December 2025. // R&W Online. URL: <https://betriebs-berater.ruw.de/wirtschaftsrecht/collection/BB-Rechtsprechungsreport-zum-Vertriebsrecht-2016-34438> (дата обращения: 03.04.2026).
- [6] Леошкевич Е.В. Актуальные вопросы привлечения к административной ответственности за разглашение информации, доступ к которой ограничен федеральным законом // Евразийская адвокатура. — 2022. — № 4 (59). — С. 41–44.

References:

- [1] Decree of the President of the Russian Federation of March 6, 1997 No. 188 «On Approval of the List of Confidential Information» (as amended on September 23, 2005) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1997. - No. 10. - Article 1127.
- [2] Federal Law on the Protection of Confidential Information (Federal Law) of April 18, 2019 // BGBl. I S. 466.
- [3] Directive (EU) 2016/943 of the European Parliament and of the Council of June 8, 2016 on the protection of undisclosed know-how and business information (trade secrets) // Official Journal of the European Union. - 2016. - L 157. - P. 1–29.
- [4] Strafgesetzbuch (StGB) - § 93 Geheimnisverrat. // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_93.html (access date: 04/03/2026).
- [5] BB-Rechtsprechungsreport zum Geschäftsgeheimnisrecht 2025 // Haufe. — 8 December 2025. // R&W Online. URL: <https://betriebs-berater.ruw.de/wirtschaftsrecht/collection/BB-Rechtsprechungsreport-zum-Vertriebsrecht-2016-34438> (access date: 04/03/2026).
- [6] Leoshkevich E.V. Current issues of bringing to administrative responsibility for disclosure of information, access to which is restricted by federal law // Eurasian Advocacy. - 2022. - No. 4 (59). - P. 41–44.

